

Наталія
ДОМАНЧУК

Вьютя змита

18+

Наталия Доманчук

Вьюга злится

<https://litres.ru/66296606>

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-94177-9

Аннотация

Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на время, место и обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвется. Снежана никогда не думала, что за эту нить будет привязана ее дочь, что именно она приведет в дом мужчину, который полюбит ее мать. Вечный любовный треугольник, который не решить без жертв...

Содержание

Падает дождь с черных небес	5
Когда сильный мороз, люди становятся теплее друг к другу	13
Мы все зависим в этом мире: от погоды, от власти, от соседей	24
Во время дождя всегда пахнет небом	34
Даже самые сильные метели начинаются с одной снежинки	44
Любовь превращает зиму в лето	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Наталия Доманчук

Вьюга злится

Девочка вьюга это – бывшая теплая девочка ветер
Которую жизнь-зима истрепала. И до сих пор треплет...

Падает дождь с черных небес

Лето 2002 года выдалось жарким и задымленным. Только вот москвичи, описывая погоду, все чаще в разговоре использовали иностранное слово – «смог». И хоть оно в основном ассоциировалось с Лондоном или Мехико, этим летом жители столицы смогли прочувствовать всю прелесть этого явления, не выезжая за пределы своего города. Виновником этого обстоятельства стали необычайно продолжительный период сухой и жаркой погоды, а также сильные лесные пожары. Москва и область погрузились в облака дыма от горящих торфяников и лесов.

Все ждали спасительного дождя, и он вот-вот должен был грянуть.

Но пока в небе висело неподвижное солнце, а на московских улицах уже можно было обнаружить вялые от жары газоны и облетевшую раньше времени листву.

По Ленинскому проспекту на большой скорости, нарушая правила движения, несясь темно-синий автомобиль. Молодой человек, сидевший за рулем, вдруг резко вырулил направо и дал по тормозам. Он устало вышел из автомобиля, облокотившись на капот, поднял глаза к небу, что-то явно недоброе пробурчав себе под нос, и, только заметив на пешеходном переходе милую блондинку в короткой желтой юбочке,

улыбнулся.

Девушка бойко цокала каблуками и, поравнявшись с юношей, кинула заинтересованный взгляд на иностранный автомобиль. Молодой человек, заметив это, хмыкнул и спросил:

– Милая красавица, твои родители наверняка пираты, правда?

Девушка остановилась и смущенно повела плечиками:

– Почему?

– Тогда откуда у них такое сокровище?

Незнакомка предсказуемо покраснела от комплемента, но все же продолжила свой путь, хотя уже не так резво.

Молодой человек направился за ней, догнал, чуть поддерживая за локоть. Но пройдя всего пару метров, остановился и предложил:

– Может, перекусим?

Не дожидаясь ответа, он потащил девушку к автомобилю, на ходу объясняя:

– Поедем во «Времена года». Побалую тебя.

Через десять минут они устроились у окна и девушка всю делилась эмоциями почти уже прожитого дня.

– Атмосферное место! Если завтра узнаю, что поступила в универ, то приду сюда с девчонками. Я с ними еще на абитуре познакомилась. Отметим поступление, и рвану в Сочи! К морю! Хочешь с нами?

– Конечно, хочу, – отозвался парень и отпил из чашки кофе.

– Ой, я тебе в Сочи предлагаю полететь, а сама даже не знаю, как тебя зовут.

– А какое твое любимое мужское имя?

– Андрей!

Молодой человек хлопнул в ладоши и рассмеялся:

– Ну точно судьба! Вот если и тебя еще моим любимым женским именем зовут, то завтра же побежим в ЗАГС, договорились?

Девушка выжидающе посмотрела на парня.

– Ольга? – подняв бровь, спросил тот.

Она хихикнула и замотала головой:

– Я – Ксюша.

– Ну тогда не завтра, а послезавтра. Ксюша – мое второе любимое имя.

Девушка покраснелась, то ли от удовольствия слышать такие речи, то ли от выпитого шампанского, а парень ел не спеша, лениво рассматривая спутницу, еле заметно улыбаясь ее не московскому говору и поглядывая на часы.

– Спешишь, да? – предположила девушка.

– Нет, Ксюшенька, я сегодня весь твой. И вечером, и ночью.

Девушка чуть смутилась, отвела взгляд, но, когда он поцеловал ее руку, хихикнула и снова отпила из бокала.

– Ты учишься? Или работаешь? – спросила новая знакомая.

– И учусь, и работаю, – недовольно соврал он.

– А где учишься?
– РУДН. Слышала про такой вуз?
– Конечно! Круто. Нет, я на такой не тяну. Я в простой пед пробую пробиться...

Еще через пару часов новые знакомые вышли из автомобиля, оставив его на улице Миклухо-Маклая, и, прыгая по лужам и пытаясь как можно скорее укрыться от такого долгожданного дождя, забежали в подъезд и остановились на пороге общежития РУДН.

– Значит так, слушай меня внимательно! – парень поднял указательный палец вверх. – Я захожу, подхожу к вахтерше и отвлекаю ее, ты считаешь до десяти, тихо заходишь и сразу направляешься направо и по длинному коридору бежишь до лестницы. Самое главное – морду кирпичом, и вперед.

– А почему нельзя по паспорту войти?

– Не пустят. Уже девятый час. Все, не дрейфь, я пошел!

Молодой человек открыл дверь и вошел в общежитие, но девушка не успела досчитать даже до трех, как дверь открылась, парень схватил ее за рукав и потянул за собой.

Уже на лестничной площадке он радостно сообщил:

– Повезло-то как! Даже врать не пришлось и заговаривать. Степановна, наверное, в туалете застряла, – он хихикнул, – как вовремя, умница моя!

Они поднялись на пятый этаж, дошли до комнаты «504», и парень, еле коснувшись костяшками пальцев двери, рас-

пахнул ее и, увидев на кровати друга с книгой в руках, поприветствовал его:

– Братан, привет! Намокли как цуцки, наконец-то дождь пошел, даже не верится.

Он потянул девушку за собой в комнату и подвел ко второй кровати, сам же взглядом указал другу, чтобы тот вышел.

Хозяин комнаты кивнул девушке в знак приветствия, и оба парня вышли из комнаты.

– Братан, выручай, погуляй часик, прошу тебя! Сходи к Сене, плиз. У меня стояк еще с утра, а тут такая ягодка. Две палки кину и отправлю на такси домой. Договорились?

– И когда ты уже угомонишься? – усмехнулся друг.

– Никогда, ты же знаешь! – громко рассмеялся юноша и принялся расстегивать пуговицы на мокрой рубашке. – Я в долгу не останусь!

– Ладно, кровать не ломайте.

Когда парень вернулся в комнату, Ксюша покорно сидела на краю кровати и выжидающе смотрела на него.

Молодой человек знал, что был хорош собой. Даже более – невероятно красив: прямой идеальный нос, темные брови, чувственные пухлые губы, серые, блестящие неудержимым огнем глаза и темная шевелюра волнистых, почти до плеч, волос. Он снял мокрую рубашку и повесил на спинку стула. Затем прошел к шкафу, открыл его, захватил полотенце, вы-

тер волосы и подошел к девушке.

Опустившись перед ней на колени, он стал вытирать ее еще мокрые от дождя руки, колени, потом провел рукой по влажным волосам и, притянув ее лицо к себе, впился губами в ее нежный рот.

Ксюша ответила на поцелуй робко и неумело, и это завело его еще больше.

Он развел ее ноги и попытался пальцем пролезть в трусики, но девушка вдруг попыталась свести колени и даже еле слышно ахнула.

Парень повалил ее на кровать, сам навалился сверху и стал терзать ее рот поцелуем.

Девушка явно не была готова к тому, что сейчас происходило, и попыталась вырваться из рук возбужденного нового знакомого, еле слышно пресекая его действия своими просьбами между поцелуями:

– Андрей, нет.

– Что нет, дорогая моя?

– Это неправильно!

– Конечно, правильно! – он задрал ее желтую юбку, сдвинул в сторону тонюсенькие черные стринги и наконец-то проник пальцем под трусики. – Посмотри, как ты течешь, крошка, сейчас тебе будет очень хорошо, обещаю.

Он мычал от удовольствия и возбуждения, шепча на ушко ей какие-то милые глупости и не замечал, как Ксюша пытается выбраться из-под него. Она даже замахнулась и ударила

его по лицу, но когда ей удалось пнуть его ногой в пах, что на несколько секунд вывело его из равновесия, он грубо выругался и разорвал на ней блузку. Розовые соски, торчащие в разные стороны, опять заставили его забыться, он прильнул к одному в надежде, что новая знакомая оценит его прелюдию и застонет от наслаждения, но Ксюша вскрикнула и пообещала:

– Если не остановишься – буду кричать.

Парень схватил подушку, одной рукой накрыл ею лицо Ксюши, а другой расстегнул ширинку и, навалившись на девушку всем телом, с рыком вошел в нее. Она издала крик и выгнулась, а он застонал от удовольствия.

Девочка! Он любил быть первым! Он так обрадовался, что решил купить ей какой-то подарок. Обязательно! Такую сладкую девочку надо отблагодарить. Жалко, что он ее, скорее всего, не запомнит. Зато она его – точно.

Это у него может быть сколько угодно девственниц, и он даже имен их не помнит, а вот он обязательно останется в ее памяти.

Ксюша извивалась под ним, пытаясь вырваться, кричала, но он крепко держал подушку на ее лице, а его желание от этого только усиливалось. Он вдавливался в нее все сильнее и сильнее, а когда почувствовал, что сопротивления с ее стороны нет, кончил и с громким рыком упал на спину рядом.

Потом подумал, что обязательно должен признаться, что

его зовут не Андрей: пусть все же своего первого мужчину она запомнит под настоящим именем.

– Ну вот и все, крошка. А ты боялась... – тихо произнес он и, кинув взгляд на подушку, отбросил ее в сторону.

Кровь ударила ему в лицо, а сердце бешено застучало.

Ксюша смотрела в потолок стеклянными неподвижными глазами...

Когда сильный мороз, люди становятся теплее друг к другу

– Мам, а где серая юбка? – громко спросила Александра, просматривая в гардеробе мамины вещи.

– Какая?

С кухни отозвалась женщина с подобранными в пучок волосами, помешивая на плите дымящее блюдо.

– Ну коротенькая, в мелкую клеточку...

– Она на мне. Поищи что-нибудь другое.

– Ну мать, ты даешь! – так же громко, чтобы ее услышали, сказала Александра. – Я еще с вечера надумала ее надеть. У нас с тобой как на войне – каждый за себя.

– Знаешь, о чем я жалею? – Снежана выключила плиту и, захватив чашку ароматного кофе, направилась в свою спальню.

Но дочь она встретила в коридоре. Снежана последовала за ней, наблюдая, как та открыла свой гардероб, выбрала черные брюки и надела их к голубой кофточке.

– О чем же? – прищурившись, спросила Саша.

– Что ты не низенькая и не пухленькая. Я уже устала от того, что ты постоянно надеваешь мои вещи и еще меня в этом упрекаешь.

– Хочешь, чтобы я была как наша соседка Светка? А разве тебе не приятно идти со мной, когда все мужики оборачиваются мне вслед?

Снежана села на подоконник и, отхлебнув глоток, успокоила дочь:

– Они оборачиваются вслед мне.

Сашка засмеялась.

– Какая ты самоуверенная! Но только со мной. Вот бы тебе так себя вести с Альбертиком.

– Давай не будем начинать старую песню. У тебя будет твоя жизнь, вот ты ее и строй как тебе угодно. В мою не лезь!

– Да ладно, чего ты, я же по-дружески, – нахмурилась дочь.

Их отношения действительно были скорее как у подруг, чем как у матери и дочери, и иногда Снежана об этом жалела. Ей нужна была дочь, а не подруга.

– Пусть и по-дружески. Тема очень щекотливая. Давай ее просто не будем поднимать.

– Хорошо, как скажешь, – Саша опустила голову. – А какие планы на сегодня?

– Все как обычно: проеду по своим магазинчикам, посмотрю, что продалось, сведу дебет с кредитом. В общем, ничего нового. А у тебя какие планы?

– Тоже ничего особенного: сейчас в институт, а после с девчонками пообедаю в кафе.

– Отлично! – Снежана отхлебнула кофе, и прыгнула с подоконника. – Иди ешь, хватит крутиться перед зеркалом – омлет стынет.

Зайдя на кухню, она поставила чашку в посудомоечную машину, выложила омлет из сковородки на тарелку и поместила перед дочкой на барную стойку.

– Как же пахнет! Тебе кулинаром надо было стать, а не продавцом запчастей, – похвалила дочь маму и, отковыряв кусок дымящегося омлета, отправила его в рот.

Надо было. Или швеей. А еще Снежана неплохо рисовала. В ней было много талантов, только ни один она даже не попробовала реализовать, всегда только пыталась выжить.

Снежана подошла к окну и посмотрела на купола церкви. Вдруг подумала о том, что сейчас неплохое время подумать о себе, о своих желаниях и их реализации. Но потом бросила взгляд на дочь, которая одной рукой держала чашку с кофе, а другой листала бестолковые видео в телефоне. Снежана ненавидела эти тик-токи, на которые западала вся молодежь. Вспомнила, как совсем недавно обсуждала это со своей лучшей подругой Валерией.

– Потому что мы с тобой уже старушки, – успокаивала ее Лера, – поэтому мы и не понимаем их.

– Там одно хвастовство. О чем эти видео? Девушка садится за руль крутого автомобиля, крупным планом значок «Мерседеса», потом лак на холеных ручках, потом стакан-

чик из «Старбакса» с ее именем и обязательно какая-то дешевая песня, что жить надо в кайф...

– Снежок, «жить надо в кайф» – это из нашей молодости! Ну ладно я старая, но тебе еще и сорока нет, чего ты такая древняя? У них жизнь сейчас такая. У нас были девяностые с разрухой, у них «Старбакс» и «мерседесы». Радоваться надо, что Сашка не нюхнула то, в чем мы с тобой валялись.

Снежана за несколько секунд погрузилась в прошлое, на двадцать лет назад, вспомнила, как ходила по Лужникам и продавала пирожки. Как замерзала, и даже три пары носков не помогали, потому что сапоги были старые, бабушкины...

Нет! Снежана вынырнула из воспоминаний и еще раз посмотрела на дочь. Ее поза не поменялась, все тот же отрешенный блуждающий взгляд, нацеленный на экран телефона, и отпитый на автомате глоток кофе. Она же так даже не чувствует его вкуса!

– Ты не опаздываешь? – спросила Снежана и нахмурилась.

Сашка, не поменяв позы, все так же продолжила листать видео на телефоне, но спросила:

– Вьюга злится?

Снежана еле заметно улыбнулась. Эта фраза дочери ей нравилась и всегда возвращала на место.

Сашка умела найти подход к матери и частенько называла Метелью или Вьюгой, когда чувствовала ее холодное настроение.

Снежана родилась в понедельник в середине марта на месяца полтора-два раньше срока и была похожа на снежинку: белоснежные кожа, волосы и ресницы. Нянечка предложила назвать ее Снежана, сказала, что это девочка, рожденная в снег или бурю. В этот день действительно шел сильный снег.

Младенец был похож на маленькую снежинку. Даже акушерки удивились и сбежались посмотреть на такое диво. Да и потом, пока девочка две недели лежала в инкубаторе, на нее приходили посмотреть, как на какое-то чудо света. И вроде бы не уродина, и очень даже миленькая, но такую вряд ли бы кто-то захотел. Слишком экзотическая.

Снежана была дитем Олимпиады и единственное, что она знала про своего отца, – это то, что он был швед из города Мальме, и что она – вылитая он. Хотя это и так было понятно: ее мать была брюнеткой с черными, как смоль глазами. Именно ее глаза и передались дочке. Скорей всего, сочетание черных угольных глаз и белоснежной кожи и волос и пугало всех, кто кидал взгляд на девочку. Слишком ярко, слишком необычно. А если необычно – значит, некрасиво.

Это был 1981 год, когда впервые перевели стрелки на летнее время, фильм «Москва слезам не верит» получил премию «Оскар», а сборная СССР выиграла чемпионат мира по хоккею в Швеции.

В городе к этому времени проживало уже более восьми миллионов человек, столица оправилась после проведения

Олимпиады, и жизнь вернулась в прежнее русло. С прилавков исчезли деликатесы, а также вернулись те, кого отослали на сто первый километр, и вместе с ними вернулась преступность. Снежане не исполнилось и года, как ее маму пырнули ножом в живот в подворотне, выкрав сумочку с зарплатой.

Она даже не почувствовала боли и начала убегать от нападавшего, хотя он и не пытался ее догнать, а прихватил сумочку и умчался в другом направлении. Но пробежав пару метров, она упала, потому что стала отказывать левая нога.

Как оказалось позже, ее пырнули кухонным ножом, настолько огромным, что он уперся в район копчика, иначе бы мог выйти насквозь. Скорая помощь приехала быстро, операцию тоже сделали быстро, но вот в себя женщина пришла только через месяц. Еще два месяца она пролежала в больнице, ее выписали, но она ходила с трудом, еле переставляла ногу, а из раны у нее продолжались выделения, постоянно сочилась кровь. Промучившись какое-то время так, она снова пошла к врачу: в этот раз попала к хорошему специалисту, который понял, что поврежден мочеточник, и скорее всего его нерв, который заживает очень долго: от десяти месяцев до двух лет. Ей сделали операцию и еле спасли от заражения крови, что повлекло за собой другие ужасные последствия.

Снежана помнила мать наскоками. Вот ее выписали из больницы и она лежит дома на кровати, девочка подходит к ней, мама ее гладит по светлым волосам, шепчет, что очень любит, а утром девочка просыпается, а мама опять в боль-

нице. Пока мама болела, Снежану воспитывала баба Глаша: вечно недовольная, ворчливая и жадная женщина.

Случались времена, когда мама выглядела совсем здоровой, улыбалась и даже ходила за руку гулять с дочкой. Шла, прихрамывая, но всегда улыбалась. Такой она и запомнилась Снежане. Ее не стало, когда девочка закончила первый класс.

Сашка спрыгнула со стула и помчалась в прихожую. Обувшись, она открыла сумочку, достала кошелек и, покопавшись в нем, показала в проеме двери:

– Мам, дай мне пару тысяч. У меня уже закончились.

Снежана взяла рюкзачок с комода, открыла кошелек и протянула дочери деньги. На пол упала маленькая визитная карточка. Женщина ее подняла и ахнула:

– Совсем забыла! У меня массаж через час!

– Зачем тебе массаж? Тебе мужик хороший нужен! – засмеялась Сашка.

– Хороший массаж легко заменит среднего мужчину. А так как других я на своем пути не встречала, то массаж – именно то, что мне нужно. Тем более он лечебный, а не для удовольствия. Третий день шею и поясницу ломит.

– Потому что пахать надо меньше! И запчасти со склада в магазин не на себе таскать, а попросить грузчика.

Вот тут дочь верные слова сказала, и Снежана это понимала, только вечно жалела деньги, а вот себя не берегла...

- До вечера? В семь будешь? – спросила мать у дочери.
- Даже раньше.
- Тогда жду к ужину.
- Договорились.

Снежана закрыла за дочкой дверь и посмотрела на себя в большое зеркало. Хорошенькая! От того снежного комка с белыми волосами ничего не осталось. Сейчас ей очень нравился ее образ. Но пока она дошла до этого, перепробовала все на свете: была и ярко-рыжей, делала мелирование в разные цвета, пока ей не попался настоящий профессионал своего дела – стилист Яник.

– Ты – зима с бледной фарфоровой кожей. Ты холодная, но внешность у тебя яркая. Это самый броский, эффектный, я бы сказал роковой цветотип из всех. У меня есть два варианта. Давай попробуем оба?

Пару лет Снежана была брюнеткой с каштановыми волосами. Ничего особенного ей даже и делать не приходилось. Единственным минусом было то, что светлые корни отрастали и их постоянно приходилось подкрашивать. Когда ей это надоело, Яник перекрасил ее в светло-русый цвет, ближе к пепельному.

– Страсть и чувственность! – громко назвал он свою работу, прокрутил кресло, чтобы Снежана увидела себя в зеркало, и добавил: – Звезда!

Звездой, конечно, Снежана себя никогда не чувствовала, но ей было невероятно приятно, когда ей вслед оборачива-

лись мужчины.

День выдался сумасшедшим! Еще и этот массаж: три остановки на метро туда, три обратно – вот и полдня прошло, а она успела побывать только в одном из своих магазинов и целый день провела в переговорах и бумагах.

Домой Снежана вернулась после восьми, обрадовалась, что дочери еще нет, и сразу принялась за ужин. Она очень вкусно готовила и умело накрывала стол. Салфетки, ножи, вилки, свечи. Ей нравилось трапезничать с дочерью при свечах. Они подолгу засиживались и рассказывали друг другу новости ушедшего дня.

К девяти часам ужин был готов, а Сашки все не было. Снежана набрала мобильный телефон дочери, но та не отвечала.

Мать не на шутку испугалась и все набирала и набирала ее номер – но длинные гудки говорили лишь о том, что Сашка или не слышит, или не хочет поднимать трубку.

В десять часов, когда Снежана уже не знала, что и думать, зазвонил ее телефон:

– Выюга, не сердись, но я сегодня не приду, – раздался радостный голос дочери.

– Можно хотя бы узнать, что за причина? – Снежана хоть и злилась на дочь, но была довольна уже тем, что услышала ее голос.

– Завтра все расскажу. Если до восьми утра не приду, иди спокойно на работу, а я, как появлюсь дома, звякну тебе на

мобильный, – сказала Сашка спокойным и немного загадочным голосом.

– С тобой точно все в порядке? – не унималась Снежана.

– Да, мам, все нормально. Пока. Мне пора идти.

В трубке слышались короткие гудки.

Снежана опустилась на кресло и стала успокаивать себя: «Во-первых, она не первый раз отсутствует ночью. Во-вторых, может, подруги пригласили». Она задумалась, подошла к окну и с горечью вслух сказала:

– Зачем обманывать саму себя? Понятно, что это не подруги. Телефон снова зазвонил, но это уже была лучшая подруга Валерия.

– Привет, Снежок, как жизнь молодая?

– Плохо. Сашка вот... не придет ночевать, – призналась Снежана подруге.

– Радоваться надо – она проведет жаркую ночь с... – Валерия запнулась и уже совсем другим тоном спросила, – кстати, а с кем она проведет ночь? Помнится мне, она с Валерой уже два месяца как разорвала все отношения.

– Вот именно. Я, правда, все же оставляю надежду, что это Валера.

– Боишься, что это прекрасный незнакомец? Ну и пусть. Сашке замуж пора.

– Ей всего двадцать один! – возразила Снежана.

– А ты во сколько родила ее, помнишь? Прекращай пере-

живания, все нормально. Твоя Сашка – красивая, молодая женщина, и она должна встречаться с мужчинами.

– Вот именно – встречаться, а не спать. Если это не Валера, я ей такую взбучку задам!

– За что?

– За то, что едва знакома с мужчиной и уже спит с ним.

– Так, давай успокоимся. А хочешь, бери такси и приезжай ко мне. Мы с тобой вина выпьем, поболтаем...

– Поздно уже. Давай завтра встретимся где-нибудь и поболтаем.

– Мой Генка завтра приезжает – буду готовиться к встрече. Вареников его любимых с вишней налеплю, оливье настрогою. Может, в субботу?

– Да мне все равно. Суббота, воскресенье, понедельник... у меня каждый день похож как две капли воды на другой.

– Это потому, что у тебя нет выходных!

– Разве могут быть выходные, когда сама на себя работаешь? Нет, я не жалуюсь...

Но Валерия ее не слышала и продолжила:

– И еще мужика тебе надо. Только не Альбертика!

– И ты туда же. Все, пока, я позвоню, – Снежана нервно нажала на красную кнопку.

Немного успокоившись, она направилась к бару и открыла бутылку вина. Налив в стакан светлую жидкость, она опустилась в кресло и заплакала.

Мы все зависим в этом мире: от погоды, от власти, от соседей

1993 год

Лифт опять не работал. Снежана не спеша, таща за собой довольно тяжелую авоську, поднялась на девятый этаж. На последней ступеньке сидела Валерия, соседка из квартиры напротив, и курила. Девочка снова невольно засмотрелась на нее. До чего же Лера была красивой! Русые волнистые волосы, голубые глаза, пухлый рот и ямочки на щечках. Просто кукла!

– Откуда, Снежок? Из леса, вестимо? – поприветствовала Валерия девочку. – Как учеба? Справляешься?

– Все хорошо, спасибо. А у вас как?

– А у нас как обычно, – задумчиво произнесла соседка и указала на свою дверь.

Из квартиры Валерии доносились шум и гам. Опять баба Люба с тетей Людой что-то не поделили. Обе женщины, одна бабушка, другая мать Валерии, уже давно спились и выносили из квартиры все что могли в обмен на бутылку. Как Лера все это терпела и еще не сбежала из этого дурдома, Снежане было непонятно. Ей казалось, что с такой врожденной красотой, которой наделила природа эту девушку, проблем быть вообще не должно. Но Валерия всегда была одна, у нее даже

подруги не было! Правда в последнее время за ней ухаживал совсем взрослый мужчина, тетя Люба называла его новым русским и уговаривала дочь попросить у него денег. Хотя он и без просьб баловал Леру – на прошлой неделе шубу белую подарил, вчера букет хризантем и коробочку с золотым браслетом.

Стряхнув с ботинок уже растаявшую жижу от снега, Снежана открыла ключом свою дверь и зашла в квартиру.

Баба Глаша находилась на кухне и шила за машинкой.

Девочка сняла старенькое пальто, которое ей уже давно жало в плечах, и, прихватив авоську с продуктами, направилась к бабушке на кухню.

– Рис купила? – спросила баба Глаша, даже не взглянув на внучку.

– Да.

– Почему?

– Двести девяносто.

– Батюшки! Кошмар! В синем магазине, наверное, брала, да? – она отбросила в сторону материю и злобно посмотрела на Снежану.

– Нет. В нашем.

– Не ври мне! В нашем он стоит сто пятьдесят.

– Значит, уже подорожал, – предположила Снежана.

– Или тебя, дуру малолетнюю, обманули. Что ж делается, а? Тебя так когда-нибудь убьют в подворотне, как твою мать, а ты не заметишь! Соль почему? – баба Глаша кивнула на пач-

ку, которую внучка положила в шкафчик.

– Пятьдесят.

Снежана присела рядом с бабушкой и, подперев щеку рукой, спросила:

– Лера, наверное, скоро замуж выйдет и уедет из нашего дома, да?

– Если ее не задушат или не расстреляют в подъезде.

Снежана тяжело выдохнула и нахмурилась. Казалось, за столько лет уже можно было привыкнуть к бабкиному характеру, но та действительно умела удивлять и иногда такие прогнозы ставила, что самой страшно становилось. Хорошо, что они никогда не сбывались!

– Твоя бабка – пессимист высшей категории. Поэтому меньше ей верь. А еще лучше вообще не слушай ее, – советовала Снежане Валерия, – поняла? Если человек верит в дерьмо, то оно с ним случается. Я всегда, когда слышу ее пророчества, скрещиваю пальцы и прошу Боженьку не слушать ее. И ты так делай, поняла?

Девочка кивала, соглашаясь. Она любила Леру. Даже боготворила. Лера была единственным человеком, к которому она могла обратиться с любой своей проблемой, и та всегда помогала. И хоть разница в возрасте у них была целых шесть лет, но и Лера иногда советовалась с маленькой, но очень смышленной соседкой.

Лера рассказала ей, что маму подставили за убийство от-

ца, она отсидела восемь лет и вернулась совсем другой. А пока ее не было, бабушка, мать отца, от горя спилась. Вот они сейчас на пару пьют и дебоширят, вечно что-то делают, костерят друг друга на чем свет стоит и ненавидят.

Валерия родилась в исправительной колонии, куда посадили маму, бабушка отказалась забирать малышку, и Лера восемь лет воспитывалась в неволе, в так называемом доме ребенка при колонии. Когда ее мама вышла из тюрьмы, они поселились в квартире свекрови, больше им идти было некуда.

Валерии месяц назад исполнилось восемнадцать. В школе она училась плохо и без энтузиазма, друзей практически не имела. Хотя она и была очень красивой девочкой, но дружить с ней боялись из-за ужасного тюремного прошлого ее матери.

Те одноклассники, кто был поскромней, просто избегали, а смельчаки пытались терроризировать, задирали и унижали:

– Не боишься, что и тебя твоя мать ночью прирежет, как твоего отца? А ты, когда вырастешь, тоже своего мужа зарежешь?

Школу Валерия ненавидела, даже скучала по детскому дому, ведь там были детки ровня ей, а если и задирались, она всегда могла дать отпор. А одноклассникам не могла. Чувствовала, что ее прошлое запятнано, поэтому и дружить ни

с кем не получалось.

Единственной радостью ее была маленькая соседская девочка Снежана. С ней Валерия могла возиться бесконечно, тем более что никто не был против: мать Снежаны постоянно болела, ее бабушка носилась на швейную фабрику и обратно и вечно жаловалась на судьбу, девочка в основном ходила в садик, где оставалась на ночь и только на выходные ее забирали домой. Тогда-то Валерия и проводила с ней время.

Закончив восемь классов, Лера пошла в кулинарное ПТУ, после окончания ее обещали устроить на работу, но тех, кто обещал, самих уволили.

Денег катастрофически не хватало. Надо было что-то делать.

Мама с бабушкой уговаривали ее выйти замуж за нового русского, который уже не первый месяц обивал порог их дома и одаривал Лерочку неведомыми дарами. Но такие мужчины, как ее ухажер, умели только развлекаться...

– Сдохнуть хочется, когда я просто смотрю на него. А когда он руку на мое колено кладет – еле сдерживаюсь, чтобы не блевануть на его скользкую лысину, – делилась своими проблемами Валерия со Снежаной на площадке, когда выходила курить.

Снежане так нравились разговоры с любимой соседкой, что она постоянно смотрела в глазок и, как только видела Леру там, выходила и слушала ее монологи. Про себя она невероятно завидовала ей! Это же как повезло – за ней почти

каждый вечер приезжает шестисотый мерседес, ее укутывают в меха и везут в ресторан.

– Ох, сколько там еды, Снежок, ты бы знала! Вчера я устрицы ела, про креветок и кальмаров и говорить не буду, их там как грязи!

– А икру красную и черную пробовала?

– Переела. Тошнит уже.

Лера не была жадной, очень часто делилась с соседями продуктами, которые с барского плеча иногда доставлял водитель ее поклонника и иногда рассказывал про шефа.

Этим поклонником был лидер районной группировки и вор в законе по кличке Колено. Как вора его крестили представители кавказской уголовной элиты, с его помощью они хотели укрепить свое положение в Москве, пошатнувшееся из-за усиления местных, русских группировок в тот период. Его работа началась со станций технического обслуживания, где они имели долю от дохода. У Колено была невероятная слабость к автомобилям, поэтому большая часть его бизнеса и «крыши» была направлена на предоставление охранных услуг автостоянкам, СТО и автомагазинам, которые в последнее время стали все больше и больше набирать обороты в Москве. За Колено утвердилась репутация беспредельщика. Он отбирал машины, мог с боевиками наехать на чужие коммерческие точки и требовать переадресовки налога на охрану. Тех, кто не хотел работать на его условиях, он жестоко наказывал – мог бросить гранату или просто пустить

пулю у подъезда.

Валерия боялась его до дрожи и надеялась только на то, что она ему скоро надоест и он оставит ее в покое.

Познакомились они на улице. Она шла по тротуару, перед ней резко остановился шестисотый мерседес, и кто-то затащил ее в салон автомобиля.

– Виталик, – представился лысый мужчина и протянул свою огромную лапищу.

Лера сразу поняла, что сопротивление бесполезно, и выдавила из себя улыбку. Они поехали сначала в ресторан, где он покормил ее всевозможными яствами, а потом, когда сели в автомобиль и проехали чуть-чуть, приказал телохранителям и водителю выйти и взял девушку на заднем сидении. Когда он понял, что Лера была девственницей, обрадовался, стал опекать и заботиться о ней, как о невесте: покупал модные вещи, привозил продукты, водил с собой по ресторанам и клубам.

Вот и сейчас Снежана посмотрела в глазок и увидала любимую соседку. Накинув на себя теплый бабушкин платок, она вышла на площадку.

– Повезло мне сегодня, Снежок! – затянувшись сигаретой, тихо сказала Валерия. – Если бы ты знала, как страшно присутствовать на его разборках!

Снежана понимающе кивнула. Ну а что еще она могла сделать? Как поддержать любимую соседку?

Лера давно поняла, что спорить с Виталиком бесполезно. Если он решил сегодня взять на «стрелку» ее, то своего решения не изменит. Валерия несколько раз пыталась схитрить, жаловалась на боль в животе, но этот номер не проходил – ее или везли сначала к доктору, а потом на стрелку, или сразу на разборки, по дороге в аптеке купив обезболивающее.

Вчера Лера стала свидетелем жесткого поведения Колено. Они приехали в ночной клуб «Арлекино», и Виталик стал требовать от владельцев срочно переадресовать налог на его структуру.

– Я – вор в законе. А вы кто?! – кричал Колено. – Вы – никто, поняли? Если не знаете, кто я, спросите у Отари!

Владельцы пытались возражать, но Колено их даже слушать не стал.

– Завтра – последний срок! – грозно предупредил он, взял под руку Леру и направился к автомобилю.

Как повезло Лере, она узнает на следующий день из криминальной хроники, когда все средства массовой информации сообщат о загадочном убийстве вора в законе по кличке «Колено».

Это была ночь с пятницы на субботу и, как обычно, в спортивном комплексе «Олимпийский» проходила дискотека «У ЛИС'Са», где и присутствовал Колено. Этот ночной клуб посещала специфическая публика. Частыми гостями были бандиты уровня выше среднего, бизнесмены невысо-

кого ранга и проститутки, обслуживающие и тех и других. Женщин на таких тусовках можно было разделить на три категории. Первая – это дорогие проститутки, их было много и они сразу бросались в глаза независимым видом, хорошей одеждой и прекрасным макияжем. Вторыми были настоящие бизнес-леди, женщины-бизнесмены, одеты они были в строгие костюмы. Третьи – жены и любовницы бизнесменов и бандитов. Те тоже были одеты красиво и нарядно, с большим количеством золотых украшений. Лера относилась к третьей группе и легко могла определить любую из трех подвидов по их специфическому поведению.

В свой последний вечер Колено было не до женщин. Он постоянно с кем-то общался, к его столику то и дело присаживались такие же коротко стриженные авторитеты, немного поговорив, отходили в сторону – и так всю ночь.

В половине четвертого в сопровождении семи человек Колено не спеша вышел из клуба и пошел в сторону стоянки. Неожиданно раздался хлопок, на расстоянии метров сорока от Виталика, за барьером пандуса, мелькнул силуэт, а Колено неожиданно схватился за бок и стал медленно оседать на землю. Братва, сопровождающая его, моментально поняла, что это заказное убийство. Началась паника, кто-то кричал, один из охранников выхватил пистолет и стал палить в воздух. Один из стоявших вдруг резко рванул с места, побежал к машине и попытался уехать с места происшествия, но часть сопровождающих охранников Виталика бросились за ним и

быстро разобрались, посчитав, что он и есть киллер.

Затем два телохранителя вернулись к Колено, схватили его тело и затащили в «мерседес», который тут же направился в сторону больницы Склифосовского. Но Виталик умер по дороге...

Целую неделю после его смерти Валерия боялась выйти на улицу, хотя о ней никто из людей Колено и не вспомнил. Не до этого им было! Убийство Колено получило огромный резонанс в криминальном мире Москвы, после него начался беспредельный круговорот кровопролития уголовных авторитетов и простых бандитов.

Только когда Лера поняла, что холодильник пуст и им нечего есть, она задумалась о том, что надо что-то предпринять, чтобы не умереть с голоду.

Во время дождя всегда пахнет небом

Утром, так и не дождавшись дочь, Снежана ушла на работу. Сашка позвонила ей около двенадцати.

– Мам, все нормально, я дома. Сейчас приму душ и лягу поспать. Придешь с работы, я тебе все расскажу, – выпалила довольная дочь.

– Хорошо. Ты точно в порядке?

– В полном! – ответила Сашка, засмеялась и положила трубку.

Снежана очень хотела поскорей оказаться дома. Но пока поехала в один свой магазин и проверила, как идет продажа и какие запчасти нужно срочно заказать, пока заехала в другой и отчитала нерадивый персонал, на часах уже было шесть.

Дома на столе её уже ждала заказная пицца и Сашка сидела в шелковом халатике с бокалом вина. Другой был налит для мамы и дочь кивнула головой в сторону бокала.

– Ну давай, рассказывай, – Снежана уселась и приготовилась слушать дочь.

– Мам, давай выпьем за любовь! – предложила та.

– Хорошо, давай выпьем за любовь. А что, она тебя уже

посетила? Помирилась с Валерой? – спросила Снежана.

– Причем тут Валера? – скривилась Сашка. – Меня посетила самая настоящая, большая, нет, просто огромная любовь! – воскликнула она и осушила бокал.

– О-о-очень интересно. И кто же он? – улыбнулась Снежана. Ей было приятно наблюдать за дочкой. Та действительно выглядела очень счастливой.

– Только ты, пожалуйста, не делай никаких выводов преждевременно. Я вначале тебе все расскажу, а потом ты будешь меня ругать. Хорошо?

– А за что ругать? Ты сделала что-то плохое? Или ты думаешь, что я не понимаю, что вы уже переспали? Похоже, ты считаешь меня совсем... как это на твоём сленге? Отмороженной?

Сашка громко рассмеялась, а Снежана продолжила:

– Я современная мама, и ты уже совершеннолетняя. Я могу тебя только наставлять, а ругать за это точно не в моих интересах. Только нервы себе портить.

Сашка не на шутку удивилась:

– Вот это прогресс! Неужели Лера на тебя подействовала?

– При чем тут она? – Снежана сделала вид, что это она сама пришла к такому выводу.

– Вот и отлично! – обрадовалась Сашка. – Ну, то, что переспали, это само собой. Главное не в этом.

– А в чем же еще? – испугалась мама.

– Он старше меня на пятнадцать лет, – виновато призна-

лась дочь.

– Господи, – не удержалась Снежана, – ты что, совсем с ума сошла?

– Мам, но если бы только его видела! Он такой классный! Он

чувствует все, что я хочу и что мне нужно. Я таких еще в своей жизни не встречала. Просто супер. Мам, правда, я влюбилась как девчонка.

– Да ты и есть девчонка, – не удержалась Снежана.

– У меня с ним сегодня в девять свидание, – Сашка выглядела немного виноватой.

– Ну хорошо, я понимаю, взрослый, наверняка он именно этим тебя и взял. Но ОН что в тебе нашел? Ты же девочка совсем, – не унималась Снежана.

– Мам, – Сашка встала из-за стола, – это для тебя я девочка. А для него я молодая женщина. Кста, ты не переживай. У него все есть. И квартира, и машина. О таком женихе можно только мечтать.

– А вы что, уже о женитьбе говорили? – заволновалась Снежана.

– Нет, конечно. У нас и времени болтать не было, – хихикнула Сашка. – Но ты ведь знаешь меня, если я чего-то захочу, то меня уже не удержишь.

– Да, к сожалению, это правда. А об учебе ты подумала? Сейчас без образования никуда не возьмут! Ты хоть это понимаешь?

– Ошибаешься, мамочка. Для женщины главное – удачно выйти замуж. И все. Жизнь состоялась!

Снежана закрыла лицо ладонями:

– Нет, я не хочу это слышать!

– Придется. Я понимаю, что ты не хочешь соглашаться с этим мнением, потому что до сих пор веришь, что можешь все сама. Но я ведь и не отрицаю этот факт. Можешь! Конечно, можешь! Но если бы ты нашла нормального мужика, то все было бы по-другому.

Снежана закивала:

– Все! Я поняла! Ты, как обычно, хочешь, чтобы все было как у Даши!

– А почему бы и нет? – Сашка поставила руки в боки и с вызовом посмотрела на мать.

Снежана села на диван. Она не знала, как донести до дочери, что нельзя жить под копирку другой жизни. У каждого свой путь и повторять судьбу лучшей подруги не стоит.

Сашка познакомилась с Дашей на первой тренировке по фигурному катанию. Девочкам исполнилось всего семь, но у них было много общего. Хотя бы тот факт, что обе увидели выступление фигуристок по телевизору и заставили своих мам привезти их на тренировку.

Даша была из очень богатой семьи, девочку всегда привозили на автомобиле с личным водителем и охранником. Даше не отказывали ни в чем и никогда, она ходила в одну

из самых элитных школ в городе, жила в центре в огромной квартире, ездила отдыхать на острова на яхте.

Сашка была совсем не ровня Даше, но случилось так, что девочки очень быстро подружились и стали не разлей вода.

Сколько слез потом вылила Снежана из-за этой Даши! Потому что Сашка хотела почти все, что было у подружки.

– Почему я не учусь в школе, в которой учится Даша? — это было первое заявление-претензия от дочки.

– Потому что мы живем в Тушино, — ответила на это мама.

– А почему мы живем в Тушино, а не на Арбате?

Такие обвинения сыпались на Снежану после каждой встречи дочки с лучшей подругой.

«У Даши красивая заколка, я хочу такую!». «Даше купили красный спортивный костюм, я тоже хочу такой». «Почему у Даши рюкзак Феррари, а у меня какой-то непонятной фирмы?»

Снежана пыталась объяснить дочери, что семья ее подруги очень состоятельная и что деньги там зарабатывает отец, на что Сашка заявила:

– Вот найди такого же богатого дядечку и выйди за него замуж. Я хочу жить на Арбате.

На Арбат, вернее, на Смоленку Сашка с мамой все же переехали. Правда все произошло с помощью поддержки Леры: и финансовой, и моральной. И в школу, в которую ходила Даша, Саша тоже пошла, и в этом тоже Лера помогла.

Девочки продолжали дружить и по сей день, и, хоть Сне-

жана надеялась, что ее дочь поумнела и уже не стремится так яростно поспевать за подругой, как в детстве, но, похоже, она ошиблась.

Три года назад, едва Даше исполнилось восемнадцать, она вышла замуж за Артема, который был старше своей невесты на пятнадцать лет. Сашка тогда громко возмущалась и делилась с мамой «глупым поступком своей лучшей подружки»:

– Представляешь, ее отец сказал, что Артем – хорошая партия для нее, и она послушалась и вышла за него замуж. А как же любовь, мам?

– Может, она его любит? – робко предположила Снежана.

– Она любит в нем то, что он любит ее. Вот так она мне ответила.

– А ты видела этого Артема?

Сашка кивнула.

– И как он тебе?

– Симпатичный... но он мужик уже! Не парень, а мужик!

Вот так Сашка отреагировала тогда на поступок лучшей подружки, а сейчас, опять, как обезьяна, решила повторить все за ней.

Снежана поставила бокал на стол, подошла к окну и тяжело вздохнула.

– Ну чего ты? – спросила ее дочка, подошла сзади и обняла.

– Ты же мне сама говорила, что Даша несчастлива с Ар-

темом, что она его не любит. А сейчас опять повторяешь за ней? Вот хочется тебе выйти замуж за мужика, который старше тебя на пятнадцать лет?

– Мама, я влюбилась! И его возраст тут совсем не при чем.

– Как можно влюбиться за день? Откуда ты знаешь, какой он?

– Да, за день, конечно, трудно понять, но за ночь...

– Саша! Ужас! У меня до сих пор не укладывается в голове этот ваш... молодежный образ жизни. Хоть бы повстречалась с ним неделю-другую. Но как же можно вот так, в первый вечер и сразу в постель? – Снежана искоса посмотрела на дочь.

– Ой, ну я так и знала, – Сашка опять уселась за стол. – Пойми, мам, ну нет уже таких правил. Да и кто их вообще, эти правила, устанавливает?

– Ты сама должна установить.

– Я не могу. Если мне этот мужчина понравился до чертиков, зачем я должна терпеть неделю или две? Нет, мам, сейчас так уже никто не делает. Это ты у нас слишком правильная. У тебя все должно быть по правилам. А зачем? Если люди тянутся друг к другу, зачем себя удерживать? Ты, наверное, только с папой и спала. Да? – спросила Сашка.

– Сейчас же прекрати, – накинулась на неё Снежана, – не забывай, что хоть у нас и дружеские отношения, но я все-таки твоя мама и такие вопросы задавать... хоть немного бы постыдилась.

– Да ладно. Думаешь, я не знаю, что вы встречаетесь?

Снежана удивленно посмотрела на нее.

– Да-да. Я все знаю. И заметь, я тебя не осуждаю. Хотя у него семья, тупая жена и две отмороженные дочери...

– Саша! – громко крикнула Снежана.

Но Сашка спокойно смотрела на мать и крутила в руке бокал с вином.

– Кто тебе сказал? Он? – шепотом спросила Снежана.

– Нет, конечно. Сама догадалась. Да и конспираторы вы так себе. Не один раз его вещи попадались в твоём шкафу.

– Потому что я столько раз просила тебя не лезть в мой шкаф и не надевать мои вещи, – Снежана опять повысила голос на дочь.

Она очень расстроилась, присела на стул, ее плечи вздрогнули, а из глаз полились слезы. Дочка подбежала к ней:

– Мам, ну чего ты. Я же тебя не осуждаю. Тебе нужен мужчина. Да, может, не такой как Альбертик, но нужен. Я же понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Я сплю с ним не потому, что мне нужен мужчина...

– А потому, что ты любишь его, – закончила за маму дочь, – это как дважды два понятно. Перестань. Когда ты плачешь, мне самой хочется плакать. Не надо, пожалуйста.

Снежана вытерла слезы и кивнула.

Сашка прижалась к маме.

– С тобой очень хорошо, но мне надо собираться. Если

ты не возражаешь, мы утром зайдем попьем чаю. Завтра же суббота. И заодно познакомитесь.

– С кем? С твоим... этим? – заволновалась Снежана.

– Вадим его зовут, – шепнула Сашка и побежала в комнату одеваться.

Снежана пошла за ней.

– А не рановато ли нам знакомиться?

– Если не хочешь – так и скажи.

– Нет, я не против, – вздохнула Снежана.

– Тогда я посмотрю по обстоятельствам.

Когда дочка ушла, Снежана вытащила альбом с фотографиями и стала его рассматривать.

Вот здесь Сашке годик. В день выписки умерла баба Глаша, и у роддома ее встречала только Лера.

Снежана улыбнулась, вспомнив про подругу, и решила ей позвонить.

– Лера, привет!

– Привет, – отозвала подруга, – что у тебя нового? Сашка вернулась?

– Да, встретила мужчину, в которого влюбилась с первого взгляда, и собралась за него замуж, – отрапортовала Снежана.

– А этот мужчина хоть в курсе ее желаний?

– Не знаю еще. Завтра собирается нас познакомить, вот и спрошу у него. Ладно, ты как? Генка приехал?

– Да, уже поужинал и жаждет моего общения.

– Ну тогда не буду тебя задерживать.

– Не будь, не будь, – засмеялась подруга. – Завтра встретимся?

– Да, я заскочу к тебе после обеда.

– Буду ждать, ну все, пока, – прошептала Валерия и спешно бросила трубку.

Снежана перелистнула альбом и посмотрела на фотографию, где дочери исполнилось пять лет.

«Как хорошо, когда детки маленькие», – подумала она и слезы неожиданно подступили к ее глазам и она разрыдалась.

Как жалко, что они вырастают, влюбляются и уходят из дома. Как бы ей сейчас хотелось, чтобы Сашка ни в кого не влюблялась, никуда не уходила и чтобы она оставалась маленькой девочкой. Как тяжело видеть в ней женщину. Ведь еще совсем чуть-чуть, и она, как бабочка, упорхнет из дома. И с чем останется Снежана? Будет жить сама? До самой старости?

С такими мыслями она пролежала до утра. Под утро заснула, но через некоторое время её разбудил настойчивый звонок в дверь.

Даже самые сильные метели начинаются с одной снежинки

Конец 1993 года выдался невероятно сложным. Баба Глаша поскользнулась у подъезда, упала и поломала шейку бедра. Больничный на работе ей не дали, а сократили задним числом. В зарплате, которую не выплачивали полгода, тоже отказали, объявив, что их швейная фабрика практически обанкротилась и в ближайшее время будет закрыта.

Баба Люба, бабушка Валерии, подралась со своей дочкой Людой и ушла из дома. Все ждали, что Люба вернется, ведь такое случалось не в первый раз, но спустя пару дней Лера пошла ее искать. Искала месяц и нашла в морге. Похоронили тихо, помянули, а через неделю тетя Люда устроила на кухне пожар, хотела сварить кашу, разожгла костер из старых книг и, пока горел огонь, громко пела «Интернационал».

Валерии, не без помощи пожарных, удалось потушить костер, но тетю Люду за эту выходку поместили в психбольницу.

Валерия осталась одна и помогала Снежане, на которой были и уборка, и готовка, и школа, и присмотр за бабушкой.

Баба Глаша вела себя отвратительно, впрочем, как всегда. Старания Снежаны не ценила, сама ничем не помогала, зато прогнозы от нее, как обычно, сыпались самые ужасные:

– Не ходи в такую погоду в школу, а то упадешь, голову разобьешь и замерзнешь в сугробе. А за мной некому будет присмотреть.

Или:

– Опять пшенка? У меня будет заворот кишок, и я ночью умру.

Снежана уже и не слушала ее, и без того тошно было.

Перед самым Новым годом к ним забежала Лера и сказала:

– Все, хватит, надо работу делать, а не сидеть и ждать, пока окочуримся с голоду. Я все придумала. Завтра утром идем на дело! – и показала пальцем на Снежану.

Утром, ровно в семь, девочка была готова идти с Лерой куда угодно. Соседка зашла за ней и, пока Снежана обувалась, выслушала оханья и аханья от бабы Глаши:

– Куда ты ее забираешь? Я чувствую, что я сегодня умру, у меня сердце всю ночь билось как сумасшедшее!

– Главное, что билось. Все, пока, баб Глаша, вот ваша утка, вот кувшин с водой, вот отварное яйцо и кусок хлеба, – она указала пальцем на каждый из предметов. – Вернемся часов в пять-шесть, не раньше. Включите телик и не скучайте.

И, не недослушав причитания бабульки, взяла за руку Снежану и увела из квартиры. У Леры за спиной был большой рюкзак, но Снежана постеснялась спрашивать, что там.

До места назначения они добирались почти час, вышли из

метро и оказались в толпе народа.

– Это Лужа, Снежок. Лужники. Тут продается все, что только есть на свете. И мы с тобой тоже будем продавать, пойдем.

Валерия повела девочку к автомобилю, на капоте которого лежали женские зимние колготки и черные мужские брюки. Рядом с этим товаром стояла бойкая женщина, которая громко кричала:

– Женские теплые колго-о-о-отки, покупаем, не замерзаем!

Валерия подошла к ней, они перекинулись парой слов, женщина пренебрежительно посмотрела на Снежану и недовольно кивнула.

Лера сняла массивный рюкзак, затащила его в салон автомобиля на заднее сидение, достала две эмалированные миски, накрытые маленькими клетчатыми полотенцами, и одну протянула Снежане:

– Крепко держи, смотри не урони!

Она достала из миски пирожок и поместила его сверху на полотенце:

– Будешь ходить по рядам и продавать. Пирожки с капустой. Один – сто рублей. Поняла?

– Ты с дуба рухнула? – спросила ее продавщица теплых колготок, которую, как потом узнала Снежана, звали Марго. – Кто у тебя за сто рублей купит такой маленький пирожок? Он же на один зуб, и, чтобы наестся, надо штук десять ку-

пить. Я за восемьсот могу позволить себе шикануть и взять хот-дог или сосиску в тесте, еще двести за пепси-колу или оранж и наемся до отвала! Не то что твоими пирожками.

— Марго, давай мы сами разберемся, хорошо? — и, подмигнув Снежане, продолжила: — Иди, родная, и пусть у нас все получится.

Спрос был неплохой, и к обеду две эмалированные миски были пустые. Валерия радовалась, но когда они добрались до дома и она посчитала чистую прибыль, то вышло всего три тысячи рублей.

И если бы это было в начале года, когда средняя заработная плата составляла примерно пятнадцать тысяч рублей, то этот бизнес можно было бы назвать прибыльным. Но к концу года из-за инфляции, которая составила восемьсот сорок процентов, средняя зарплата выросла до ста сорока тысяч. Люди не поспевали за ценами в магазине. Булка хлеба в январе стоила сто двадцать рублей, а в декабре этого же года уже шестьсот. Цены на все поднимались, а заплату не платили, задерживали.

С мая прошлого года отменили закон «О пенсиях в СССР» и начали действовать новые нормативы, по которым были введены понижающие коэффициенты к пенсиям прошлых лет. Для большинства пенсионеров реальный размер пенсии упал вдвое, многие стали получать меньше прожиточного уровня. На пенсию бабы Глашы в двадцать тысяч прожить было невозможно.

Валерия думала сутки, на следующее утро сама поехала в Лужники, вернулась только к вечеру и доложила:

– Продавать еду невыгодно. Возможно, на пропитание хватит, но нам нужно заработать, а не выжить. Сейчас самое время зарабатывать. Я в Польшу поеду за товаром, а потом вместе будем его продавать.

– Вместе – это с кем? – возмутилась баба Глаша.

– Со Снежаной.

– Я больная женщина, одной ногой уже в могиле, за мной надо ухаживать, и внучку я не пущу.

– Да? Ну тогда и живите как знаете! – психанула Валерия и пошла на выход.

Снежана побежала за ней и, уже закрывая за собой дверь, Валерия шепотом сказала девочке:

– Не переживай, я вас не брошу. Пусть неделю без моей помощи поест пшенку или лепешки на воде, потом быстренько отпустит тебя работать со мной.

– А где ты деньги возьмешь на Польшу? А паспорт? – спросила Снежана.

– С паспортом Марго помогает. Завтра шубу свою продам, уже договорилась с одной мадамой на рынке, и пару золотых браслетиков и сережки, подаренные Виталиком, ей втюхаю. Скажу, что бриллианты. Надеюсь, что покойный Колено не сэкономил на мне и это действительно брюлики.

Валерия собралась ехать в Польшу с новой знакомой, с ко-

торой познакомилась возле прилавка Марго. Та приехала на заработки из Воронежа и временно проживала у родственников. Звали ее Галя, на вид ей было лет двадцать пять – ярко-красные волосы, длинный нос и тонкие губы. Галя очень громко разговаривала, а еще громче смеялась. Валерию она ужасно раздражала, но другого выхода не было: им нужно было держаться вместе.

– Порожняком ехать в Польшу глупо, – поучала Леру Галя, – тетя сказала, что надо везти туда все что есть. Она мне собрала две торбы, даже не знаю, где она все это раздобыла.

– А почему нельзя просто поехать с долларами, купить там товар и продать в Луже? – не понимала Лера.

– Потому что ты хреновый математик. Вот смотри: у тебя есть три рубля, ты поехала в Польшу, купила за эти три рубля три пары джинсов, продала их в Москве за шесть. Прибыль сто процентов. Хорошо? А теперь смотри мою схему: я за три рубля, которые у меня есть, купила тут товар, приехала в Польшу и продала его за шесть, купила товар в Польше за шесть и продала его в Луже за двенадцать. Доходность – триста процентов.

– А что именно ты везешь?

– Три искусственные елки, три чайника, кипятильников штук двадцать, дядьке их на заводе выдали вместо зарплаты, сигареты и десять бутылок водки.

– Марго сказала, что можно только две бутылки провести...

– Ну а остальные спрячем, не ссы.

У Валерии в доме не было никакого товара, чтобы можно было вывезти, потому что ее покойная бабушка и мама много лет именно этим и занимались, у них в квартире даже занавесок не было.

– Когда раскрутимся, то поедem в Китай, а потом в Турцию. А пока будем радоваться и Польше.

Галя была оптимисткой, и только этим качеством она нравилась Лере. Да и потом, за границей лучше держаться вместе.

Компания им попалась интересная: два кандидата наук, муж и жена по фамилии Коробейниковы, пожилой врач-терапевт Антонина Павловна и молодая, но уже бывшая учительница пения Мариночка. Перезнакомились все еще на автобусной остановке, а когда добрались до Польши, вообще как родные стали, делились опытом и помогали друг другу продать привезенный товар.

Коробейниковы обращались друг к другу по фамилии, много шутили и громко смеялись. Дома их ждал сын-студент. Они ездили в Варшаву более трех лет, все знали, советовали, куда спрятать товар, чтобы его не обнаружили таможенники. По закону можно было провезти только два блока сигарет и две бутылки водки. И этот товар был самым продаваемым. Коробейниковы подсказали, что в следующий раз для провоза нелегальной продукции нужно сделать чемоданы и сумки на колесиках с двойным дном. Сами они

уже давно пользовались таким примитивным способом, который, как ни странно, долго работал без осечек. А вот до сумок у них были гитары. Кроме того что гитары очень хорошо продавались, в них чета провозила контрабанду: снимали струны, а резонаторы под завязку забивали сигаретами. Но на пятый раз пограничники раскусили этот трюк, и им пришлось искать новые хитрости.

Врач-пенсионер вела себя тихо, только улыбалась иногда грустными глазами. В Польшу она привезла продавать напильники, нитки, иголки, садовые инструменты, дрели и ножницы.

Учительница пения очень быстро подружилась с Галиной, в автобусе они пели частушки и пили на брудершафт.

Валерии Польша показалась раем на земле: такого разнообразия товаров она нигде не видела.

День складывался так: они вставали в четыре утра, садились в автобус, который вез их по прилегающим к Варшаве поселкам на ярмарки. За день удавалось побывать на двух ярмарках. Условия для продажи были почти такие же, как в Москве. На землю стелили клеенку, выкладывали товар и весь день его продавали. Поляки не особо любили русские вещи, но цены на них были такими копеечными, что отказаться они не могли и скупали все, что привозили русские бизнесмены.

Времени поесть не было. В первый день позавтракали в автобусе пирожками Валерии, а в последующие дни только

ужинали, когда возвращались на ночлег. Ели хлеб, консервы и колбасу, которые привезли из Москвы. В Польше все казалось дорогим и тратить деньги было жалко, все хотели как можно больше закупиться товаром.

Самое интересное время было в автобусе, когда Коробейниковы делились байками.

– Однажды нас долго шмонали на таможне. Пограничник попался вредный, проверял каждую сумку, потом авария на трассе произошла, мы в пробке простояли и приехали в гостиницу поздно ночью, с опозданием в десять часов. А в гостинице этой ни воды, ни тепла не было, и хозяева ее закрыли и ушли домой, думая, что мы не приедем. И тут среди ночи мы заявляемся: устали жутко, замерзли, а в гостинице темнота и холод. В общем, хозяев нашли, они нам открыли, пустили, мы так и упали на кровати в чем были, накрылись одеялами и уснули.

– Ох, а один раз, – это уже жена Коробейникова вспомнила интересную историю, – мы были свидетелями одного очень интересного случая. Это было в самом начале, когда мы еще на поезде добирались до Польши. С нами в купе ехали бабуля лет шестидесяти и мужчина. Интересный такой, солидный. Поезд встал на таможне, мужчина рассказал, что был в командировке, устал очень, бабуля поделилась, что в Москве совсем плохо стало, еды в магазинах нет, пенсии не хватает, ее дед больной дома ждет и ему нужны лекарства. И вот ей пришлось заняться этим бизнесом, который она на-

зывала «купи-продай», и призналась, что в Варшаве продавала лампочки, а на вырученные деньги купила двадцать банок кофе. Это были Nescafe Gold, и выручка составляла минимум шестьсот процентов, не меньше. И вот поезд подъезжает в Брест и в купе входят три пограничника. Один из них начинает просматривать вещи и, глядя на него, точно понятно, что с пустыми руками уходить он не собирается. Проверив у нас два чемодана, он обращается ко всем: «Что будете декларировать?». И этот мужик, который с нами в купе едет, отвечает: «Да вот тут у этой женщины, – и указывает на нашу бабульку, – двадцать банок кофе припрятано». Бедная бабулька! У нее слезы из глаз, а таможеннику по хрен, естественно, он этих слез в каждом купе навидался. Короче, он изъял у нее все банки с кофе. Одну только оставил, и они, все трое таможенников, вышли из нашего вагона. Бабулька все рыдает и спрашивает у него: «Как же вы так? Мне на лекарство, деду, а вы, бездушный, подставили меня». А мужик молчит. Только когда поезд тронулся, мужик встал, поднял свое сидение и достал огромный баул. «Сколько у тебя было? Двадцать? Бери пятьдесят. Я тоже кофе везу, и не сердись, лечи деда». «А почему не предупредил?», – бабка уже успокоилась и вытерла слезы. «А потому что неправдоподобно бы вышло, а так все идеально прошло». К концу поездки они уже были друзьями и приглашали друг друга в гости.

– Может, сейчас тоже выгодно кофе закупаться? – спросила Мариночка.

– Нет. Это три года назад было, сейчас уже все напились кофе.

– А что тогда лучше привозить из Польши? – поинтересовалась Галина.

– Раньше мы советовали, а сейчас перестали. Сложно это. И все так стремительно меняется, что советовать, чем закупаться, мы не будем. Года три назад огромные деньжищи зарабатывали те, кто возил мебель. В Союзе всегда были проблемы с мебелью, и те парни, которые возили, работали под заказ. Так вот, покупатели их ждали на вокзале и сразу все разбирали. Они иногда без сна и отдыха опраправлялись опять в Польшу. Но торговля мебелью требует физической силы, мы себе позволить этого не могли, только наблюдали за ними и втайне завидовали их доходам.

– А в Турцию не пробовали ездить? – спросила Валерия.

– Турция считается элитной. Туда можно добраться только на самолете. И хоть дорого, но зато быстро и комфортно. Туда товар возить не надо, только деньги. Условия проживания на голову выше, носить товар не надо, там и рынка как такового нет, одни частные магазинчики, где есть свои грузчики, которые помогут довести товар до гостиницы и даже разгрузят и дотащат до номера в отеле.

– Здорово! – не сдержалась Валерия.

– Здорово, конечно, только туда с тремястами долларами не всунешься. Даже со штукой баксов там делать нечего. На дорогу много уйдет, на гостиницу, да и товар в разы дороже

и их чуть сложнее на рынке продавать, качество лучше. Этот товар больше подойдет богатым клиентам, а таких на рынке немного.

Валерии было невероятно сложно, ведь от ее выбора сейчас зависело многое, да практически все зависело от нее. Это были единственные деньги, больше ей продавать было нечего. И вложить их надо было так, чтобы увеличить доход хотя бы в два раза, чтобы была возможность еще раз поехать в Польшу.

Еще Валерия чувствовала ответственность за Снежану и ее бабушку. Снежана ей была как родная сестра. Когда маму Леры условно-досрочно освободили и они вернулись жить к свекрови, Снежане было всего два годика. Лера очень часто гуляла с ней, да и девочка ее обожала. Подвести соседей Валерия сейчас боялась больше всего на свете, потому что понимала, что без нее они, возможно, пропадут. Баба Глаша не ходячая, а Снежане всего двенадцать, где они деньги возьмут, если она им не поможет?

Но чета Коробейниковых не оставила Леру и помогла ей выбрать и закупить такой товар, который в Лужниках раскупили за один день.

Снежана помогала ей как могла, очень старалась, хотя от нее требовалось только одно: быть на подхвате. Когда Лера разговаривала с покупателями или обслуживала их, Снежана должна была отвечать другим потенциальным покупателям,

по чем товар, и следить, чтобы его не украли. Этот день, когда они всего за восемь часов продали все, что привезла Валерия из Польши, Снежана никогда не забудет. Они не успевали считать деньги! За весь день даже не перекусили ничего. Зато домой ехали довольные и счастливые.

Очень скоро Валерия насобираала такую сумму, что решила поехать в Китай. Врач-пенсионерка Антонина Павловна старалась всегда быть рядом, даже товар похожий покупала и торговала в двух метрах от Валерии. Лере ее было очень жалко, с ней никто дружить не хотел, она вела себя тихо, в компании забивалась в угол и только наблюдала за всеми, даже не смеялась с шуток. Когда Лера заявила, что хочет попробовать поехать в Китай, Антонина Павловна попросила взять ее с собой. Но когда уже были куплены билеты, вдруг еле слышно спросила:

– А может, лучше опять в Польшу?

– Надо попробовать Китай. А потом Турцию. Вот тогда и будем решать, что лучше, – ответила ей Лера.

До Владивостока добирались регулярным рейсом «Аэрофлота». Эту поездку организовывала туристическая организация «Спутник», крупнейшая в мире молодежная туристическая компания.

За весь полет выдали кусочек черного хлеба и небольшую сардинку в целлофановой упаковке. Ночевали одну ночь в гостинице, а наутро поездом отправились в город Суйфэньхэ, который находился на границе с Россией, напротив при-

морского поселка Пограничный. Расстояние было небольшим, но состав шел восемь часов.

В поезде подружились с двумя сестрами, Верой и Любой. Оказалось, что сестер трое, но Надя осталась дома, заболела. Валерия с сестрами быстро нашла общий язык, девушкам было чуть больше двадцати, а вот Антонина Павловна опять же все время молчала и в их жаркие разговоры и споры не вступала. Может, боялась, а может, и не хотела мешать. Но девушки чувствовали себя ответственными за пожилую женщину и всю помогали: и советами и даже ее сумки таскали.

– Ох, сейчас посмотрите, какой цирк будет на таможне, – видите вон тех? – прошептала Люба и указала на двух мужчин в соседнем купе. – Они постоянно завозят шляпы. Половину в чемодан прячут и на голову по пять-десять штук, и три пальто одно на другое сверху надевают.

– А в Китае это ходовой товар? – не поняла Валерия.

– Еще какой! Шляпу в Москве можно за пятьдесят рублей купить. А две шляпы китайцы охотно меняют на пару говнодавов, которые в Луже или в Измайловском Эрмитаже можно продать за две-три тысячи. С пальто такие же схемы. Навар раз в пять, не меньше. Только с таможней придется повозиться.

– А как их пропускают?

– Вечно спорят, но пропускают. «Нам холодно, я привык так ходить!», – отвечают они таможенникам. Эти мужики

раньше алюминиевые ложки возили, их не пропускали, почему-то не разрешается их провозить. Но они их все равно в вещах прятали и провозили.

– В Суйфэньхэ у вокзала есть пятачок, огражденный веревками на манер боксерского ринга и всех русских, кто приехал, загоняют внутрь, и они под присмотром полиции могут продавать свои вилки, ложки и шляпы, – объяснила Вера.

– А что такое говнодавы? – шепотом спросила Антонина Павловна у сестер.

Девочки улыбнулись, и Любаша ответила:

– Это ботинки такие, с круглым носом. Мне кажется, они были повсюду год-два назад, а сейчас уже всем приелись. Мы их покупали за доллар, максимум два, а продавали за две-три тысячи. Курс тогда было сто тридцать рублей. Выгода огромная, но сейчас они плохо идут, курс доллара не дремлет.

– А что хорошо идет?

– Мы в последнее время закупаемся костюмами «Адидас». Джинсы всегда на ура продаются, можно футболки взять.

– На самом деле все идет, честное слово! – продолжила за сестру Вера. – Просто говнодавы уже всем приелись. Надо брать ходовой товар, а не на любителя. Мы месяца два назад познакомились в самолете с одним мужчиной. Его жена отправила в Китай первый раз.

– Да это вообще был их первый раз, они даже Польши

не нюхали! – перебила ее Любаша. – У жены с паспортом какие-то проблемы были, и на семейном совете решили послать мужа, Леонидом его звали. Жена приказала ему брать что-то кожаное, имела в виду какие-то курточки или слаксы. А Ленечка купил пять мешков перчаток из ангорки.

– Белых! – хихикнула Вера.

– Ага, мы в шоке были, когда увидели эти двухметровые мешки, и самое главное мы были уверены, что мужик точно прогорел. Кому нужны белые перчатки?

– И что? И как? – с волнением спросила Валерия.

– Через два месяца опять встретили Леонида в Китае. В этот раз послушался жену и купил дорогие кожаные курточки. Не те рыжие с косичками по десять тысяч, которые никто не берет на Измайловском Эрмитаже, а хорошие, добротные, не лакированные, а мягкие такие, как будто стиранные. Они «Антилопа» называются, и их по пятьдесят-семьдесят тысяч за день расхватили.

– А с перчатками все-таки прогорели, да? – опять поинтересовалась Валерия.

– Нет! Они их перекрасили. Устроили на своей кухне красивое производство, купили отечественные красители в таблетках: красные и черные. Варили эти перчатки, потом сушили в кухне на веревках. За неделю продали. Вот такие дела. Ладно, девочки, давайте чуть поспим, день нам предстоит жаркий, уж поверьте мне.

Добравшись до Китая, женщины сразу пошли на рынок

за товаром. Языка Валерия не знала, но, как оказалось, его и не надо было знать. Все общались с помощью калькулятора: просто выводили цену на дисплее и забирали товар. Если китайский продавец был не согласен – шли дальше по рынку и искали другой товар или более сговорчивого продавца.

С купленным товаром они остановились в отеле. Условия там были ужасные, намного хуже, чем в Польше: горячей воды не было, холодная шла с перебоями, из мебели только кровати, хотя времени на сон не было. Всю ночь Валерия, Антонина Павловна и две сестры паковали товар по коробкам и сумкам и все эти баулы складывали в номере – баррикады из коробок стояли до самого потолка. Загружали и разгружали товар тоже сами, без помощи грузчиков. И на себе тащили многокилограммовые сумки. Валерия давно поняла, что в этом бизнесе нет разницы – мужчина ты или женщина. Ты – челнок.

Лера закупила основательно: свитеры, джинсы, футболки, непонятно зачем даже детские игрушки купила.

– Это ты зря, – ругала ее потом Любаша, – надо брать товар только на определенный возраст. Если взяла игрушки, то нужно было и детские вещи покупать и тогда только этим ассортиментом и торговать.

Но, как оказалось после, игрушки только помогли Валерии. Места они много не занимали, но увлекали почти всех женщин, у которых были дети. А затем эти же женщины и покупали у Леры свитер или джинсы.

Самолет был забит до предела: сумки у людей были и под сидением, и на багажной полке, и на коленях. Валерия боялась, что самолет не взлетит, но Вера только рассмеялась и рассказала, что до 1992 года, когда поток челноков хлынул, авиаперевозчики быстро сориентировались в обстановке и включились в выгодную, хоть и рискованную игру. Тогда багажные отсеки самолетов забивались до отказа, а когда там заканчивалось место, то сумки затаскивали в салон и рассовывали везде, где только можно было. Три сестры свои баулы складывали даже в служебных отсеках, кухнях, и если было два санузла, то жертвовали одним, а второй заполняли до краев, чтобы не терять драгоценного объема.

– Челноки – люди непритворные, им бы только свои баулы затащить в самолет! Да что там говорить, мы готовы были лететь стоя, лишь бы больше провезти, – делилась воспоминаниями Верочка.

– Помнишь, как мы потеряли одну клетчатую сумку и ходили по всему самолету искали ее? – со смехом спросила сестру Любаша.

– И так и не нашли, между прочим, кто-то ее украл, перепрятал в другую сумку, и мы вернулись в Москву без нее, а там были носки. Как сейчас помню, красные в белую полосочку.

– Так вот! – продолжила Верочка. – Весь этот беспредел продолжался до августа 1992 года, когда перегруженный самолет не смог взлететь в этом, Владивостокском аэропорте.

Он даже оторваться от земли не смог, да и затормозить тоже, и самолет въехал в пашню. Вот только после этого случая командирам строго запретили брать лишний вес.

Весь товар из Китая Валерия со Снежаной продали за неделю.

В Турцию Лера так и не поехала, приноровилась ездить два раза в месяц в Китай, стала привозить намного больше товара, чем в первый раз, и через полгода даже наняла помощницу для Снежаны – Антонину Павловну. Та очень обрадовалась, что ей больше не придется летать в Китай, и старательно выполняла все инструкции Валерии.

Их торговое место находилось в Южном Ядре в пятнадцати-двадцати минутах ходьбы от склада, где Валерия хранила товар.

Каждый день, кроме понедельника, в шесть утра огромная армия торговцев вбегала на территорию Лужников и неслась на склад, где товар погружали на тележки и стремглав бежали на торговую точку, чтобы успеть выложить его к первой волне покупателей. Этой первой волной были оптовики, и если товар не успевали выложить на прилавки, то они покупали у тех, кто успел. Валерия всегда успевала, но когда она уезжала в Китай, товар на место торговли доставляла Антонина Павловна. Валерия была категорически против школьных прогулов Снежаны, хотя видела, что девочка была готова и в школу не ходить, и каждую минуту проводить с ней и постоянно рвалась помогать. Но так как Антонина Павловна

не справлялась, то пришлось искать выход, и они его быстро нашли: когда Валерия уезжала за товаром в Китай, им помогала Снежана. Ее день начинался в четыре утра. К шести она была у входа, неслась на склад, загружала товар и сразу бежала к торговому месту, где ее уже ждала Антонина Павловна.

Торговые места выглядели по-разному. Некоторые торговали, расстелив на полу клеенку, или на большой коробке, у многих были раскладные столики, большинство – с машин. Каждый продавец придумывал свои способы рекламы товара и оформлял витрину, как умели.

Когда весь товар был разложен, Снежана возвращалась в Тушино и шла в школу. Отсидживала там, как наказание, все уроки, забегала на минуточку к бабе Глаше на помощь и потом опять ехала в Лужники. Успевала к закрытию, помогала убирать и отвозить то, что не продали, на склад.

Каждое такое торговое место стоило приличных денег, и каждый день в условленное время по рядам ходили бравые ребята, сборщики, и собирали с продавцов деньги. Никого не интересовало, успели ли они наторговать или нет, в установленное время необходимо было заплатить дань, а если кто-то отказывался платить, его столик переворачивали, товар разбрасывали и давали еще пару часов на поиск денег. Если продавец продолжал стоять на своем и не платил, его выгоняли, а его место сдавали другому. Ближе к метро были самые «козырные места», и на что только торговцы не шли,

чтобы выжить конкурента и завладеть его местом: и товар воровали, и бензином обливали, и натравляли на продавцов цыган или милицию.

Валерия боялась цыган и Снежану просила обходить их стороной. Этот шумный и наглый народ наверняка был связан с милицией, потому что по Лужникам они всегда шествовали вместе: впереди шел милиционер, а за ним несколько цыганок с переброшенными через руки сумками или платками. Эти сумки прикрывали режущие инструменты, которые находились у них в руках. Замыкал процессию еще один милиционер. Цыганки втирались в толпу оптовиков, и мастерски подрезали их барсетки и кошельки. Делали они это виртуозно: одна толкала в правый бок, пока тот оглядывался, другая слева делала надрез в сумке и доставала деньги. Поймать их было практически невозможно, а даже если кому-то и удавалось это сделать, то тут же появлялся милиционер и вел всех в участок. Там цыганок уводили куда-то, но на самом деле сразу отпускали. Потерпевший писал заявление, и его тоже провожали, обещая найти пропажу. В лучшем случае делали вид, что преступление практически раскрыто, и возвращали документы. Валерия один раз была свидетелем, как один из продавцов заметил, как орудуют цыгане, и предупредил оптовика об опасности. К нему через пятнадцать минут подошел милиционер и попросил показать документы. Потом его попросили собрать весь товар и последовать в участок. Больше этого продавца никто не видел.

Были в Лужниках также воры, которые специализировались исключительно на товаре, который складировался за спинами продавцов. Валерия очень быстро подмечала их, указывала Снежане, учила ее, как быть начеку, и они никогда не попадались на таких жуликов.

Валерии иногда казалось, что она находится на передовой, только непонятно какой войны и за что воюет. Соседи по торговому месту были разные, и настоящей дружбы среди них быть не могло, каждый был за себя, и, чтобы продать свой товар, был готов почти на все. С самого утра до десяти-одиннадцати времени на разговоры не было совсем, еле поспевали с оптовиками, тем надо было быстро закупиться и отправиться на свою точку торговать. А точки у них были разные – от других районных рынков до городов.

Но после десяти, когда первая волна покупателей сходилала, все немного расслаблялись, завтракали, пили кофе и оглядывались по сторонам – кто и сколько продал.

Сосед справа, бывший военный, имел привычку сразу докладывать:

– Сорок пар ботильонов забрали оптовики и пять продал даже без примерки!

Он с болью и слезами на глазах рассказывал всем соседям-торгашам про свою воинскую часть, как ее еще пять лет назад разворовали и что он вынужден был оставить службу, потому что есть нечего было. На лице у него отражались грусть и злость за то, чем он вынужден заниматься. Правда,

когда к нему подходил покупатель, он преображался и становился сама любезность:

– Туфельки как раз на вашу ножку. Каблучок небольшой, аккуратненький, колодочка удобная и натирать не будет – все натуральная кожа, – искусно врал он.

Если покупательница брала ботильоны, он ее еще час нахваливал, описывая все ее прелести, а если нет, то доставал из глубин своих коробок бутылку коньяка и прямо из горла отхлебывал и ворчал что-то под нос.

Соседка слева, Машка, приехала из Тулы, жила у деда: красивая, яркая, с рыжей копной волос. Она разговаривала матом. Валерия постоянно закрывала уши Снежане, а Машу просила:

– Тут дети, ну пожалуйста, можно потише и на русском языке?

– Детям тут не место, пусть дома сидят, в куклы играют! И это, между прочим, на русском! – отвечала Маша в ответ. – Скажи спасибо, что я не на арабском ругаюсь, потому что я на всех языках мира умею.

Еще у Марии была привычка – раздувать ноздри. Выглядело это странно, когда в разговоре она ни с того ни сего начинала крутить головой, нюхать и громко втягивать в себя воздух. Снежана, поначалу, как ребенок, пыталась повторить за ней, но Лера ей объяснила, что это некрасиво.

В Лужниках зарабатывали все и на всем. У входа в метро обосновались те, кто зазывал попытать счастья и заработать

кучу денег. И стоило человеку только заинтересоваться, как дальше все шло по четко отработанной схеме. Ему давали немного выиграть, потом чуть проиграть, потом опять выиграть и под конец проиграть все деньги, которые у него были. Очень часто такие азартные люди проигрывали весь товар, но все равно желающие находились снова и снова.

На выходе из Лужников было очень много нищих, которые просили милостыню, а также различный народный фольклор: аккордеонисты, бабушки с частушками и умельцы красиво петь и танцевать.

Снежане очень нравился хор из латиноамериканских парней. Их было человек десять, не меньше, с гитарами, с каким-то национальными инструментами, дудками, одеты они были в пончо и пели свои народные песни. Эти ребята пользовались огромным успехом, всегда собирали большую публику и складывали денежные купюры благодарности в огромный чемодан, лежащий перед ними.

Снежана полюбила Лужники больше, чем школу, и с огромной радостью помогала Валерии, а та в свою очередь была благодарна ей за помощь, да и вообще Лера считала Снежану самым родным человеком на свете, и рядом с ней ей всегда становилось хорошо, особенно когда девочка ее обнимала и говорила, что любит.

Пробегая по аллеям Лужников, Снежана то и дело здоровалась почти со всеми.

– Здрасти, тетя Валь.

– О, Снежаночка, привет! Лера в Китай когда?

Здесь почти все были знакомыми, тут закалились характеры и Снежаны, и Валерии, тут девушки повзрослели и стали сильнее и мудрей. Это была хорошая школа жизни, о которой они никогда не пожалели.

Любовь превращает зиму в лето

В дверь настойчиво звонили.

Снежана посмотрела на часы: восемь утра, и кого принесло в такую рань? Но потом она вдруг вспомнила про дочь и обещание прийти утром на завтрак с ее новым кавалером.

Снежана вскочила, накинула легкий халатик и пошла открывать дверь.

На пороге действительно стояла дочь и он. Снежана невольно замерла. Это было как магическое притяжение. Он посмотрел на нее, а она забоялась, что сейчас утонет в его серых глазах.

Ее как будто влекло, притягивало к нему так, что, казалось, никто и ничто не сможет помешать и такому притяжению вряд ли что-то может противостоять, но Сашка чмокнула маму в щеку и сказала:

– Я решила не открывать своим ключом. Правда, я думала, что ты уже давно встала, но, оказывается, мы тебя разбудили.

– Проходите, – как можно ласковее ответила Снежана и открыла дверь шире, чтобы могла войти дочь и ее кавалер.

– Мам, это Вадим. Вадим, это моя мама, Снежана, – Сашка улыбалась и выглядела действительно счастливой.

– Очень приятно познакомиться, – ответила Снежана, пряча взгляд, – проходите на кухню, я сейчас завтрак при-

готовлю.

Вадим остановился на пороге и мешкал, как будто боялся войти, рассматривая и провожая взглядом Снежану, а потом удивленно посмотрел на Сашу и тихо спросил:

– Вы меня, наверное, разыгрываете?

Сашка засмеялась и потянула его за руку в гостиную.

Снежана подбежала к гардеробу и стала искать во что переодеться. Желание выглядеть красиво сначала взяло вверх, но понимание, что этот мужчина, который ей понравился с первого взгляда, не ее, быстро отрезвило и она схватила с вешалки домашний спортивный костюм и надела его. Стоя перед трюмо, она решила, что макияж тоже будет лишним, только причесалась и направилась на кухню, чтобы приготовить свои фирменные оладьи.

– Представляешь, Вадим не верит, что ты моя мама, – хихикнула Сашка и присела за барную стойку.

Вадим устроился на соседний стул и еще раз спросил:

– Нет, девочки, ну скажите честно.

– Говорим честно: это моя мама! – гордо еще раз доложила Сашка.

– И сколько же ей лет?

– Тридцать восемь.

Снежана стояла к ним спиной, готовя смесь для оладий, и немного недоумевала, почему они говорят о ней, как будто ее нет в помещении.

– Не верю! – воскликнул Вадим.

– Хочешь, покажу фотки, где она мною беременна?

Снежана улыбнулась. Конечно, ей было приятно слышать, что она выглядит так молодо.

– Очень хочу! Неси альбомы.

Сашка прыгнула с барного стула и умчалась в кабинет.

– Всего на два года старше меня, – заявил Вадим, – давай на «ты», если не возражаешь...

Снежана, не оглядываясь, пожала плечами. Она боялась смотреть на него. Если бы ее сейчас спросили, как выглядит жених ее дочери, она бы не ответила. Потому что ничего, кроме его серых глаз, она не запомнила. Но ей очень хотелось посмотреть на него еще раз, и она, выложив горкой пять готовых оладий на тарелку и водрузив перед ним, со смелостью и наглостью прошлась взглядом по его лицу.

Мужчина был необычайно красив: прямой идеальный нос, густые брови, модная бородка и темные волосы. Он заметил, что она его рассматривает, и улыбнулся. Тепло, нежно, как будто она его гладила взглядом, а ему было очень приятно от этих невесомых прикосновений.

Ее сердце в этот момент бешено билось и готово было выпрыгнуть из груди, а где-то в подсознании разлилась невероятно приятная истома, как предвестник какого-то сладкого предвкушения. Это действительно было как магическое притяжение, и они как замороженные смотрели друг на друга, когда в комнату ворвалась веселая Сашка, и Снежана резко отвернулась к плите и принялась лить тесто на дымящую

сковороду.

Сашка раскрыла альбом и, тыкая пальцем в фотографии, с азартом описывала Вадиму события давно минувших дней.

Автоматическими движениями выкладывая на тарелку оладьи и наливая в сковороду тесто, Снежана думала о Вадиме и о том притяжении, которое возникло между ними. Сознание снова потихоньку стало возвращаться к ней, а вместе с ним все то же понимание, что все это неправильно, что так быть не должно. Он же парень ее дочери, и у Сашки на него большие планы.

Закончив с готовкой, Снежана положила на барную стойку варенье, сметану, мед, налила в чашки чай и уселась с молодыми позавтракать. Правда смотреть больше на Вадима не решилась, хлопотала, переставляла тарелки и прятала взгляд.

Сашка, схватив оладушек и обмакнув его в сметану, призналась:

– Как же я люблю твою стряпню!

Вадим ничего не ел, только пил чай. Сашка же уплетала оладьи и рассказывала про институт, в котором учится. Она очень громко смеялась, копируя одного из профессоров, и Снежана словила себя на мысли, что ее никто не слушает.

Зазвонил телефон, и Сашка, подняв трубку, пошла в другую комнату, прошептав Вадиму: «Я скоро».

Снежана сидела напротив Вадима и боялась поднять глаза. Она понимала, что ей надо встать, отнести грязные та-

релки и чашки в мойку или вообще уйти из этой кухни, но чувствовала, что не может пошевелиться. Такое с ней уже было. Давным-давно, но было. И этот гипноз длился по сей день, поэтому она и не верила, что ее может заинтересовать другой мужчина.

Она смело называла себя однолюбом и была уверена, что Альберт – это тот единственный, который послан ей на всю жизнь. Хотя, конечно же, других претендентов было очень много. Взять даже директора оптовой базы, где Снежана закупалась запчастями для автомобилей – Кирилла Александровича. Красивый, статный, давным-давно разведенный мужчина, раз десять предлагал ей руку, сердце и прекрасную обеспеченную жизнь. Но нет, Снежана ему раз за разом отказывала и еще жаловалась подруге, что тот ей докучает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.